

Кирилл и Мефодий в Болгарии – о празднике и нации*

Abstract:

Anastasova E. Cyril and Methodius in Bulgaria – about Feast and Nation.

The holy brothers Cyril and Methodius are the creators of Slavic alphabet and translators of Christian Holy books, and they are famous in the whole Orthodox and Catholic Slavic World. They are very important for EU-spiritual life as well, especially after 1980, when they were proclaimed by Pope Joan Paul II as co-patrons of Europe. The feast of Sts. Cyril and Methodius (11/24th May) and their lives and work had a central place in Bulgarian state building processes and in the Bulgarian national paradigm.

The paper deals with the role of Sts. Cyril and Methodius's feast in the process of Bulgarian national consolidation in the National Revival period, and with the place of Holy Brothers' myth in interethnic relations in Bulgaria.

Ключевые слова: праздник Кирилла и Мефодия, места памяти, нация, государственные границы, этнические границы.

Национальное возрождение славянских народов тесно связано со славянскими просветителями – святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием. Византийские дипломаты, создатели славянской письменности¹, переводчики богослужбных книг на церковнославянский язык – „язык сакральный и божественный”, они являются эмблемой славянского культурного и религиозного мира. Деятельность братьев и их учеников² занимает важное место не только в процессах национального Возрождения, но и в становлении национальных парадигм современных славянских государств. С другой стороны, их дело является значимым для духовного развития Европы, как религиозного (церковного), так и секулярного (идеологического). Кирилл и Мефодий канонизированы Русской православной церковью в 1963 г.³ (позже – и остальными православными церквями) и Католической церковью – в 1880 г.⁴ Как символ сближения Запада и Востока, в 1980 г. „славянский папа” Иоанн Павел II⁵, один из величайших политиков и „архитекторов” „новой Европы” в XX в., провозгласил их духовными покровителями Европы.

---

* Текст подготовлен в рамках проекта ДОО2-315/19.12.2008 г., Анекс №1/17.12.2010 г. «Празникът на св. св. Кирилл и Методий – от националното към вропейското духовно пространство», Фонд научни изследвания, Министерство на образованието, младежта и науката, Република България.

Кажется парадоксальным, но и сегодня, в начале XXI в., несмотря на неоспоримый над- (и пред-) национальный характер дела братьев, Кирилл и Мефодий являются символом национального сознания, вклада в мировую цивилизацию и отсюда – неисчерпаемой национальной гордости в большинстве славянских стран. Национальный миф воспроизводится в празднике обоих святых, в светской и/или религиозной форме. Таким образом, праздник, насыщенный национальными посланиями, является транснациональным *par excellence*.

Логично „национализация” братьев начинается параллельно с зарождением национальных движений, когда миф и праздник Кирилла и Мефодия занимают важное место в национальных (и мета-национальных – в панславизме, например) идеях о специальной миссии славянства в период национального возрождения, а позже – в национальных мифологиях современных славянских государств. Каждая из славянских стран рассказывает свою историю (миф) о святых и их учениках, интерпретируя различным образом как их этническое происхождение, так и язык, который они создали, в рамках своей, национальной перспективы⁶. Этот процесс, в общих чертах законченный к концу Второй мировой войны, можно определить как „сакрализация национализма” (Rohdewald 2008: 287).

Национальный миф о братьях Кирилле и Мефодии, рассказываемый их праздником, имеет свое место в период социализма и после падения Берлинской стены, когда он снова актуализирован одним или другим образом в пост-социалистических славянских государствах. Очевидно, Кирилл и Мефодий и их чествование важны и для европейской интеграции, снова как эмблема единства, на этот раз – единого европейского духовного пространства.

Если фундаментальный характер дела Кирилла и Мефодия достаточен, чтобы объяснить его национальные „прочтения” и „употребления”, популярность и масштабность чествований святых обязывает сказать несколько слов о *концепте праздника в национальном государстве*. Как известно, праздники (национальные и государственные⁷) являются одним из наиболее значимых элементов антропологии нации. Наряду с флагом, гимном и пр., они содержат в себе *пафос* (внушающий определенные ценности) и *заряд эмоций* (связанный с переживанием этих общих ценностей), необходимые как для *консолидации разделяющих их общностей*, так и для *отделения „своих” от „чужих”*, которым это праздничное переживание недоступно. Праздники конструируют общие для нации „фигуры памяти” (Assmann 1997: 52) и „места памяти” (Nora 2011) – символические образы, связывающие личности, события, время и пространство „национальной памяти”, выстраивающие и поддерживающие *национальную идентичность*. В этом

смысле, бесспорно, что Кирилл и Мефодий являются одними из наиболее значимых фигур в национальной памяти для большинства славянских народов, а их праздник – специфическим топосом в национальной праздничной системе.

В рамках этой статьи мы хотели бы проследить кирилло-мефодиевский праздник в одной из „кирилло-мефодиевских стран”, в перспективе становления государства-нации, т.е. в контексте национальной консолидации, с одной стороны. С другой стороны, мультиэтничный постимперский контекст, в котором создается часть „кирилло-мефодиевских” национальных государств, без сомнения тоже представляет специальный интерес. Болгария, как одна из стран, которая переживает миф и праздник Кирилла и Мефодия с особенным воодушевлением, является подходящим примером для подобного исследования.

Кирилл и Мефодий и их наследство⁸, как и праздник, посвященный им, наряду с чествованием других важных для формирования нации событий (Освобождение от османского владычества, отделение от Константинопольской патриархии⁹ и пр.), играют центральную роль в болгарской национальной мифологии.

Здесь мы попытаемся представить праздник Кирилла и Мефодия в контексте конструирования болгарской национальной парадигмы и межэтнических отношений, которые этот процесс порождает, среди двух групп населения в черноморском городе Созопле – так. наз. фракийских болгар и считающих себя греками жителей города. Статья подготовлена на базе опубликованных и архивных материалов и собственных полевых исследований¹⁰.

Пространства государства-нации в Болгарии и праздник Кирилла и Мефодия

Национальное государство базируется на сети институтов, среди которых ведущее место занимают образовательные (Gellner 1983) – школы, библиотеки и университеты¹¹. В Болгарии специальное и важное место занимают так. наз. *читалища* (*читалища*), специфический локальный культурный и образовательный институт¹², который играет очень важную роль в процессе просвещения и формирования национального самосознания в период Возрождения. Еще в творчестве первых болгарских возрожденцев появляется тезис о болгарском происхождении братьев Кирилла и Мефодия, развитый Василием Априловым (Априлов 1841а, 1841б, 1842), чьи сочинения в этот период очень популярны¹³. Как отмечает Н. Данова: „Труды Васи́ла

Априлова распространяются и читаются по всей Болгарии и мы находим их в почти каждой школьной и личной библиотеке XIX в.” (Данова 2003: 48).

Церковь, школа и *читалиште* являются первыми институтами, где формируется мифология (идеология) и массовые формы чествования братьев – *праздник Кирилла и Мефодия*. Само создание этих институтов связывается с делом двух братьев (часть их названа их именами¹⁴), которое олицетворяется их праздником, чествованием 11 (24) мая (соответственно церковный/светский праздник). Именно здесь конструируются два семантических профиля Кирилла и Мефодия – святые/просветители – т.е., религиозный и светский, из которых второй занимает значительно больше места в болгарском национальном дискурсе.

Праздник занимает фундаментальное место в становлении самых важных, в контексте национального государства, составляющих. У него не только своя собственная территория, но, как у любого ритуала, система установленных действий (молебен, процессии, торжественные речи, гимн, венки из цветов). Он создает и специфическую эмоциональную (праздничную) атмосферу, сопровождающую и сегодня один из самых любимых болгарских праздников – Праздник болгарского просвещения и культуры и славянской письменности.

Существует мнение, что праздник (ритуал), в котором сконцентрировано послание мифа, воспринимается и переживается намного эмоциональнее и находится гораздо ближе к носителям культуры, нежели сюжет (миф), который он рассказывает¹⁵. Праздник Кирилла и Мефодия не является исключением – каждый болгарин сегодня (независимо от поколения) знает двух братьев как „создателей болгарской письменности” и оценивает их праздник как „самый болгарский”: «Праздник Кирилла и Мефодия – самый красивый, самый болгарский праздник!»¹⁶; «Помню, как нас водили из школы в лес собирать цветы, мы вили венки... А на следующий день – манифестация, все вместе, поем, праздник!»¹⁷; «Я вспоминаю, как мы собирали цветы в саду, вили большой венок, чтобы украсить школьные ворота. С синими галстуками, потом с красными, украшали портрет Георгия Димитрова, такие были портреты в школе. На следующий день манифестация, мы обходили все село, пели гимн Кириллу и Мефодию... Потом мои дети делали то же самое»¹⁸.

Но далеко не каждый мог бы рассказать историю (миссии, творчество и пр.) святых братьев: «Сколько всего было миссий – Моравская, Паннонская... Была и еще какая-то... Кажется, их было пять... Не помню...»¹⁹.

Популярность праздника, естественно, связана не только с более сильным воздействием ритуала в сравнении с мифом (соотношением между акциональным и вербальным), но и с *долгой историей его чествования в Бол-*

гариш. Она развивается в логической диаде религиозное – национальное, отмечая переход от *средневекового государства*, в котором церковь и религия занимают фундаментальную позицию, к *светскому национальному государству*, основой которого является школа (Gellner: 1983).

Болгарское национальное возрождение тесно связано с болгарской эмиграцией (в Константинополе, Белграде, Одессе и пр.), пресса которой сообщает о праздновании Дня Кирилла и Мефодия (часто оно связывается с основанием одноименных школ²⁰) в различных городах и селах Болгарии. Вот одно свидетельство очевидца праздника:

„Копривштица, 16 мая 1860.

У нас, как вы может быть знаете, уже несколько лет отмечается память наших апостолов и просветителей в христианстве, св. Кирилла и Мефодия; но в этом году этот праздник своей торжественностью и великолепием превзошел и саму Пасху.

11 мая звон колоколов двух церквей известил жителей, что настал великий и радостный день – праздник св. Кирилла и Мефодия, этих двух великих и светлых звезд на болгарском небе. Многочисленный народ...! Каждая болгарская душа поспешила в божий храм встретить праздник этих святых и великих народных мужей. Наконец-то наступил долгожданный и многозначительный день. Божественная служба совершилась с наибольшим возможным великолепием в церкви св. Богородицы...

Но надо вам сказать, что это не только память о святых мужах, которая превращает это торжество в великое. Тут есть и побольше причина. Этот праздник был и праздником избавления от фанариотского тиранства, от греческого духовного господства над нами...

Потом весь народ, предводимый священством, одетым в священные одежды, пошел в школу св. Кирилла и Мефодия, где сделали водосвет, после которого двое главных учителей произнесли подходящую для этого случая речь... При этом обряде присутствовали местный начальник и кадия²¹, которые очень благодарили за порядок, с которым чествовался этот праздник²².

В материалах эмигрантской прессы ясно виден и *сценарий праздника*, который не особенно отличается от более поздних национальных чествований (естественно, религиозная часть отсутствует в атеистические времена социализма) – церковная служба, водосвет, торжественные слова, венки и пр.:

„Калофер, 20 мая 1861.

Г-н редактор Дун.[авского] Лебеда!

И в нашей деревне праздник святым нашим учителям Кириллу и Мефодию отмечается торжественно. Утром загремели два колокола верхней церкви св. Архангела, чей голос призывал всех жителей на божественную службу, которую провел наш архимандрит от[ец] Хрисант в содружии с тремя священниками, одетыми в самые светлые церемониальные одежды. После св[ятого] благовестования в ряде “рцем вси” г. Хрисант спел одну эктению для избавления тех, кто пострадали за наш род, св[ятых] пастырей Иллариона, Авксентия и Паисия

/18/. И потом, когда весь народ остановился в церковном дворе, один ученик произнес речь, которую наша родолюбивая община просит Вас опубликовать в Вашей уважаемой газете.

Оттуда народ, предводимый образом святых наших отцов, собрался в школе, где во дворе было сооружено строение (что-то вроде сферы), украшенное множеством венков из различных цветов, под которым сделали водосвет, наш учитель господин Ботю /19/ произнес и он другую речь; ограничился в начале независимостью нашей церкви: и потом о том, как она колеблется между двумя противоположными влияниями: т.е. греческим и папистским и пр. В конце все спели многолетие Е[го] В[еличеству] Султану...²³

В сущности, структура праздника в XIX в. не очень отличается от сегодняшней: религиозный ритуал (сегодня религиозный и светский праздник отмечаются отдельно, первый чествуется 11 мая, но водосвет присутствует в светском празднике 24 мая), цветы и венки, торжественные речи (произносимые учениками, интеллектуалами и пр.), поздравления от властей. В столице праздник сосредоточен в интеллектуальном сердце города – перед Национальной библиотекой им. св. Кирилла и Мефодия, в остальных местах – на центральных площадях и во дворах школ и *читалищ*.

Естественно, пафос различен: если в период Возрождения праздник был выражением церковного и национального „пробуждения”, то сегодня он является символом этих процессов.

Любопытно присутствие *османской администрации*, которая благодарит за прекрасную организацию праздника²⁴. Что происходит однако в независимой Болгарии, в которой праздник продолжает свое шествие, концентрируя около себя „места памяти” болгарского государства?

Кирилл и Мефодий и этнические границы в национальном государстве

Независимая Болгария получает мультиэтническое наследство от Османской империи. Множество этнических общностей живет в новом государстве. У них различная этническая и религиозная идентичность, собственные храмы и школы. Независимое болгарское государство активно работает над созданием национальных институтов и нового национального самосознания. Болгарская школа постепенно выстраивает болгарскую национальную идентичность на базе противопоставления «мы – они», в котором образ (как правило отрицательный) «соседей» занимает центральное место²⁵.

Логично, что новое государство вводит обязательное изучение болгарского языка в школах (1885)²⁶, объявляет школы меньшинств частными и утверждает различные законы (Законы о народном просвещении и дополнения к ним 1891²⁷, 1909²⁸ и 1921 гг.²⁹ и др.), которые постепенно запрещают

школы мусульман, евреев и армян, а позже и всех «болгарских общностей с различной религией». В 1948 г. закрываются все «чужие» школы, независимо от того, о какой «чуждости» идет речь (этнической или религиозной), кто их финансирует – местные или иностранные лица или институты, религиозные конгрегации и пр. (Указ о закрытии чужих школ в Народной республике Болгарии 1948 г.)³⁰. Эти процессы, направленные на формирование и консолидацию национальной идентичности, протекают на фоне нескольких договоров о переселении (следующих за динамичным процессом изменения государственных границ в этот период), связаны с обменом «этнически чужого» населения между отдельными балканскими странами.

Эти процессы особенно интенсивны между болгарами и греками (независимо от того, о каких «греках» идет речь – этнических или культурных, так наз. «гърчеене»). Переселения определяют этническую динамику в «греческих» городах болгарского черноморья. Здесь проводится ряд переселенческих актов (так наз. *изселнически акции*): в период 1906 – 1910 гг.³¹ переселяются 20 000 греков; в 1913 г. идет новая волна размена населения между Болгарией, Фракией и Македонией, за которой последовал ряд локальных миграций. Так появляется и Конвенция о взаимном добровольном обмене населением между Грецией и Болгарией (1919 г.), вследствие которой более 90 000 (по некоторым данным свыше 300 000) болгар выселено из Греции и Западной Фракии, а около 50 000 уезжают из Болгарии (черноморские города, Фракия и Станимака). Конвенция регулируется несколькими последующими документами, уточняющими правовые и имущественные вопросы (Лозаннская конференция 1922 г.; Протокол Калфова-Политиса 1924 г.; Договор Моллов-Кафандарис 1927 г.). Последствия этих процессов затихают лишь после Второй мировой войны³².

Любопытно, что «маркеры» болгарского, отмечающие не только новые государственные границы, но и этнические границы между автохтонными этническими общностями и новоприбывшими этническими болгарами из соседних балканских стран, это «места Кирилла и Мефодия». Как правило, это болгарская школа, и/или болгарская церковь Кирилла и Мефодия³³.

Роль греческих школ, как известно, имеет важное значение для становления национальной болгарской культуры:

«В греческих школах были подготовлены первые деятели Болгарского возрождения, первостроители нашей национальной культуры... (...) Через посредничество греческой школы и греческой литературы в Болгарию проникают идеи Ренессанса и Просвещения. Греческие воспитанники переносят в болгарское общество идеи о новом светском образовании, современную педагогику, метод взаимного обучения. Из Греции приходят бунтарские идеи об обновлении общества, о реформировании общественных и церковных институтов, о создании современной

культуры на базе народного языка. Посредством греческого образования болгарская культура осуществляет свою историческую связь с античностью» (Генчев 2010).

Греческая общность, гордящаяся своими школами и церквями в прибрежных городах, относится болезненно к „оболгариванию” „греческих” институтов. Многие греки не пускают своих детей в новые болгарские школы, что позднее оценивается как ошибка («тогда очень отстали греки»³⁴). Как отмечает Диана Радойнова:

«Во всех черноморских городах есть школы, построенные на средства греческих культурно-просветительских и религиозных общин»; «В это время общности с греческим самосознанием по Черноморию отстаивают всеми силами и средствами усилившиеся опыты болгар отнять их культурные и религиозные достояния» (Радойнова 2010: 45)³⁵.

Особенно драматичен переход к «болгарской церковности» в черноморских поселениях. Вот пример из Варны, иллюстрирующий переход от греческой к болгарской церкви, прошедший «под эгидой Кирилла и Мефодия»:

«Позавчера, 4-ого, граждане с удивлением услышали молву, что в этот день должен приехать знакомый им Неофитос (греческий митрополит – Е. А.). В 3 часа после обеда вся набережная и соседние улицы были заполнены гражданами, готовыми приветствовать незваного гостя градом камней и др. (...) Тогда в услужливой памяти одного из членов дружества Болгарский родолюбец появилась мысль рассчитать старый счет, который большинство варненского населения давно имеет с греческим меньшинством о владении церковью Святого Николы, построенной на средства варненца Парашкева Николау... Прочее, *предложение сделанное собравшейся толпе, чтобы церковь Святого Николы стала болгарской, было принято с восторгом* (т.е., чтобы церковь была названа „Кирилл и Мефодий” – курсив Е. А.). Вооруженный справедливостью дела, народ быстрыми шагами подошел к церкви и ворвался во двор. После окончания краткого столкновения между народом, с одной стороны, греческими священниками и полицией, с другой, греческие книги и одежда были переданы бывшему церковному настоятельству на память, а в церкви – переполненной молящимися – вызванные болгарские священники запели благозвучное „Слава тебе, Боже наш” и освящение было оповещено (сопровождаясь) громким и продолжительным звоном церковных колоколов...» (Нова эпоха 1906).

Обе общности интересующего нас Созополя и до сегодняшнего дня разграничиваются не только этнически, но и территориально – старая часть города считается «греческой» (в рамках греческой «махалы» все еще помнят «болгарскую» махалу), а новая названа «фракийской»³⁶. После демократических перемен в Болгарии «греки» (отсюда, учитывая условность этнической идентичности и этнического происхождения, мы будем употреблять слова «грек», «греческий» и пр. без кавычек) и «фракийцы» создают отдельные организации: Фракийское дружество «Яни Попов» и Болгаро-греческое дружество «Аполония».

Идентичность обеих групп населения базируется на различных мифах. Любопытно, что они базируются на двух сочинениях, «настольных» для обеих групп. Для болгар это книга Георгия Лукова «Елиногласните българи по Южното Черноморие от Античността до наши дни»³⁷ (Луков 2010), а для греков – монография Константиноса Папайоанидеса «История на Аполлония Понтийска – Созопол от създаването ѝ до днес»³⁸, написанная в 1933 г. на греческом языке (Папайоанидис 2004). Оба автора родом из Созополя (Папайоанидис эмигрирует в Грецию). Первый автор отстаивает болгарское происхождение греков из Созополя, второй – приемственность античной культуры и населения Созополя, уделяя значительное внимание драматизму и жестокостям в период становления болгарского государства.

Основываясь на этих публикациях (как и на других, поддерживающих одну или другую позицию), греки считают себя наследниками древней Аполлонии Понтийской, тезис, яростно атакуемый болгарами. По их мнению, «эллиногласные жители городов и сел по нашему Южному Черноморию сегодня *не имеют никакой связи с греческим колонистами* из Обзора, Месембри, Аполлонии и др., а являются потомками эллинизированных фраков, древних болгар, славян и др. этносов» (Луков 2006: 14)³⁹. В период Средневековья они «становятся жертвой эллинизаторской метастазы», которая в течение веков отнимает у болгарской народности тысячи болгар» (Луков 2006: 37). Представления греков о болгарях опираются на актуальные и сегодня воспоминания о выселении греков и заселении болгар в Созополь в период 1906 – 1930 гг.

Вот что рассказывает одна местная гречанка о заселении фракийских болгар в Созополь при обмене населения между Турцией, Грецией и Болгарией:

«Они будили людей среди ночи и поселяли болгар в дома греков, которые уже подали документы на возвращение в Грецию. Знаю, что сначала они закрыли греческую школу и сделали из нее казарму. Позже они построили новую школу «Св. Св. Кирилл и Мефодий», в болгарской махале. Они построили большую церковь «Св. Св. Кирилл и Мефодий» на площади.

В период социализма это был музей, сейчас он все еще в реставрации. Церковь никогда не работала. Наши греческие церкви служат только на болгарском. Сейчас церковь св. Георгия работает все время, и туда ходят и болгары, и греки»⁴⁰.

Необходимо дополнить, что главная улица в городе, связывающая болгарскую и греческую части, тоже называется «Св. Св. Кирилл и Мефодий», все еще отмечая границу между двумя общностями с различной идентичностью – болгарской и греческой.

Интересно, как греки в Созополе комментируют „византийскую линию“, связанную с солунскими братьями (соотв. с их греческим происхождением – согласно «болгарскому тезису» – отец братьев – грек, а мать – бол-

гарка). Греки не считают их «своими» – с одной стороны, потому что воспоминания о «становлении Кирилла и Мефодия» в Созополе болезненны; с другой, святые братья не занимают центральное место в светской греческой национальной парадигме и, еще меньше, в сознании местных греков, которые (как и современные греки) прежде всего предпочитают идентифицироваться с Элладой. Но когда обоих братьев признают «своими», комментарии очень любопытны:

«Если хотите, можете меня спросить, почему греки так сильно старались создать болгарскую азбуку. Потому что началась инквизиция, и церковь стала разделяться. И немного осталось, чтобы болгары стали католиками. Однако греки обучили Константиноса и Методиуса, и тогда они написали греческую азбуку... И поэтому создана болгарская азбука греками – чтобы стали болгары православными христианами» (цит. по: Радойнова 2010: 124).

Несмотря на это, в отличие от мифов и воспоминаний, праздника Кирилла и Мефодия, связанного с масштабными чествованиями во времена социализма, сегодня, в период экономического и социального кризиса, когда чествования сведены до скромного торжества, не хватает жителям Созополя. Чествование святых братьев, организованное местным *читалищем* в 2011 г. как школьный праздник, вызывает ностальгию не только среди болгар, но и среди греков в Созополе:

«Разве это праздник? Раньше действительно был праздник – шествие, *хора* (народные танцы), песни... Сейчас – только дети из детского сада и начальной школы... Нет настроения, нет праздника...»⁴¹; «Это не праздник, это просто нерабочий день...»⁴².

После всего сказанного, можно сделать несколько выводов:

- национальное болгарское государство успешно использует имена Кирилла и Мефодия и создает их «места» (улицы, учебные заведения, церкви), чтобы консолидировать болгарскую нацию⁴³;
- одним из последствий этого процесса, однако, является то, что и сегодня «места Кирилла и Мефодия» маркируют этнические границы между болгарами и другими этническими общностями в стране.

Ситуация в Созополе очерчивает существенную разницу между государством-нацией и его границами (государство, как правило, утверждает, что очерчивает «этническую территорию») и этническими общностями и этническими границами. Парадоксально, но национализируя и этнизируя святых братьев, вопреки ожидаемой консолидации, государство создает новые, более глубокие этнические границы, которые продолжают «работать» и сегодня. В результате, «сакрализация национализма» (Rohdelwald 2008: 287–298) порождает неожиданный эффект, который болезненно повлиял на идентичность населения, считающего себя греческим в Болгарии.

Но если миф о „болгарских” Кирилле и Мефодии порождает противоречивые интерпретации, а установление «мест Кирилла и Мефодия» и сего-

дня вызывает болезненные воспоминания, то праздник солунских братьев связан только с положительными эмоциями. Без сомнения, это следствие того факта, что праздники, которые создают *пространства (места) национальной духовности* (рассматриваемый пример очень подходящий, учитывая государственноформирующий характер праздника Кирилла и Мефодия), несут в себе не только послание мифа, который они рассказывают – в этом случае болгарский вклад в европейскую цивилизацию – и проистекающую из него национальную гордость. Они создают праздничность – специфическое эмоциональное состояние, исполненное положительных эмоций. Так, возвращаясь к сказанному в начале статьи, и этот пример показывает доминирующую роль праздничной атмосферы и праздничного переживания, связанных с очарованием ритуала и настроением, которые создает праздник. Именно их не хватает в годы так наз. перехода в Болгарии, когда появляется дефицит праздничности (со всеми последствиями, проистекающими из этого факта, связанными с национальной консолидацией). Ностальгия связана не только с масштабами праздника, наполнявшего болгарские селения жизнерадостными процессиями во времена социализма, но и с «фоном» этих праздников – экономической и социальной стабильностью, уверенностью в «светлом будущем» и, не в последнюю очередь, – с праздничной трапезой, которая для ряда болгар становится все более скромной.

Атмосфера «Праздника Кирилла и Мефодия» объясняется многими факторами: чествованием весны, ассоциируемой с пробуждением природы; основными действующими лицами: детьми и молодежью – символами будущего; ритуальными действиями – с плетением венков и собиранием цветов, как и масштабными процессиями, ритмично и дружно марширующими под звуки вдохновляющего гимна Кириллу и Мефодию:

„Върви, народе възродени,
Към светли бѣднини върви.
С книжовността таз сила нова,
Съдбините си поднови“⁴⁴.

(Вставай, народ, вздохни всей грудью,
Заре навстречу поспеши.
И Азбукой, тебе подаренной,
Судьбу грядущую пиши.
– перевод с болг. Вл. Смирнова).

Таким образом создается оптимистический комплекс, который объясняет популярность „Праздника Кирилла и Мефодия” и привязанность к местам и церемониям, связанным с ним.

Примечания

¹ Несмотря на широко распространенное представление, что Кирилл и Мефодий создали кириллицу, в современной славистике преобладает мнение, что Кирилл создал глаголицу (оригинальную авторскую письменность), а кириллица возникла на местной почве, на основе уже существующего в регионе греческого минускульного (унициального) письма. См. подробную аргументацию и обширную литературу у Н.И. Толстого (Толстой 1988: 128–140). Срв. и упоминание в Житии Климента Охридского, что он сам (Климент) создал славянскую азбуку – Жития: 589.

² Св. Климент Охридски, св. Наум Охридски (Преславский), св. Горазд, св. Ангеларий и св. Савва – так наз. Седмочисленники (включая и Кирилла и Мефодия). Подробнее о Седмочисленниках см. Жития 1974.

³ Так наз. «славянский юбилей», чествованный и Католической церковью в том же году. В 863 г. папа Адриан II разрешает богослужение на славянском языке. Этот же год считается годом создания славянской азбуки – он же упоминается и у Черноризца Храбра.

⁴ Энциклика *Grande Munus*, 30 сентября 1880.

⁵ Апостольское послание *Egregiae virtutis*, 31 декабря 1980.

⁶ Один из интересных (и последних) примеров, связанных с «национализацией» дела Кирилла и Мефодия в Словакии, см.: Šubjaková 2010. Книга рассказывает, что «слово» (откуда этимологически автор выводит этноним «славяне») дано «словенам», т.е. словакам (Словакия – Slovensko, словаки – Slováci), а «священный язык», конечно, словацкий. Согласно автору, центром деятельности братьев (и в особенности Мефодия) является словацкий город Девин. В своих утверждениях она опирается на ряд «новых доказательств» (от «генетических» до «наблюдений с космических спутников»), которые представляют Девин как «словацкий центр», а часть учеников Кирилла и Мефодия как «словаков» – Šubjaková 2007. (Встречи с госпожой Шубяковой и работа с её трудами осуществлены в рамках проекта «Dynamics of Religious and National Identities in Slovakia and Bulgaria in the Process of the EU-integration», SAIA, 2012, Словакия. Я хочу высказать свою благодарность проф. Зузанне Бенюшковой за этот контакт).

Это типичный пример так наз. «наивного национализма», который присутствует в большинстве славянских (и не только) национальных государств. Словацкий (в контексте Моравской миссии) основывается прежде всего на противопоставлении Великой Моравии, которая воспринимается как «чешская». Очевидно, что речь идет о типичных для классических форм национализма «манипуляциях с историей» и «присвоении» (этническом и национальном) знаковых исторических фигур.

⁷ Разница между терминами довольно туманна. В большинстве государственных официальных сайтов национальными называют „праздники, имеющие специальное историческое значение

для государства и нации, отмечаемые официальными мероприятиями на государственном и местном уровне”. Государственными – „праздники, посвященные событиям с общественно-политическим значением, или традиционно отмечаемые населением, которые сопровождаются или не сопровождаются официальными мероприятиями”. Используется и термин „официальный праздник”.

⁸ Кирилл и Мефодий занимают одно из центральных мест в эмблематической для болгарского возрождения «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского – первого болгарского историографа, канонизированного Болгарской православной церковью в 1962 г. См. текст: Иванов 1914.

⁹ Болгарская церковь под именем «Болгарская экзархия» была признана османскими властями фирманом 28 февраля 1870 г. К отделению от Константинопольской патриархии призывал еще Паисий в своей «Истории».

¹⁰ 22 – 28 мая 2010 г., г. Созополь, по проекту ДОО2-315/19.12.2008, «Празникът на св. Кирил и Методий – от националното към европейското духовно пространство», Фонд научни изследвания, МОМН, България; в статье использованы и материалы других полевых исследований, осуществленных в рамках того же проекта (Рим, 19 – 28 мая 2011 г.).

¹¹ О развитии образования в период Возрождения см.: Генчев 2010, и особенно главу пятую («Духовное пробуждение болгар в XVIII и начале XIX в.»). В контексте нашей работы важно отметить влияние греческого светского образования (не пренебрегая русскими, сербскими и др. влияниями) на болгарское просвещение в процессе перехода от монастырского (так наз. «килийни училища») к светскому образованию, как и определяющую роль греческих светских школ, в которых болгары предпочитали учиться до 20-х годов XIX в. Особое место в истории создания болгарской образовательной системы занимают так наз. «эллино-болгарские» (славяно-греческие) школы. Они появляются в начале XIX в., за ними возникают болгарские взаимные (к 1835 г. – 53 школы) и классные школы (первую открыл в 1856 г. в Копривштице Н. Геров; вторую школу, долгие годы считавшуюся самой авторитетной, снова под его руководством, открыли в Пловдиве, назвав ее именами Св. Кирилла и Мефодия). – см. главу седьмую («Новоболгарское просвещение и культура в первой половине XIX в.» – Генчев 2010).

¹² Первые *читалишта* возникают в 50-е гг. XIX в. в Свищове, Ломе и Шумене. Их деятельность тесно связана с просвещением, культурой и формированием национальной идентичности (подробнее см. Чилингировъ 1930). И сегодня они считаются „стожером” национальной идентичности. Согласно Закону о *читалиштах* (Закон за читалищата 2009 г., чл. 2. (1): «Народные читалишта являются традиционными самоуправляющимися болгарскими культурно-просветительскими организациями в населенных пунктах, которые исполняют *государственные* (курсив автора – Е. А.) культурно-просветительские задачи. В их деятельности могут участвовать все физические лица без ограничений по возрасту и полу, политическим взглядам и этническому самосознанию».

Согласно тому же Закону, цели *читалишта* связаны с „развитием и обогащением культурной жизни, социальной и образовательной деятельностью в населенном пункте, где они осуществ-

вляют свою деятельность; сохранением обычаев и традиций болгарского народа; расширением знаний граждан и их приобщением к ценностям и достижениям науки, искусства и культуры; с *воспитанием и укреплением национального самосознания* (курсив автора – Е. А.); обеспечением доступа к информации” и пр.

В настоящий момент в Болгарии 3417 *читалищ* (в период Возрождения – 130).

¹³ Анализ творчества и значения В. Априлова см.: Арнаулов 1929.

¹⁴ Национальная библиотека „Св. Св. Кирил и Методий”, ВТУ „Св. Св. Кирил и Методий” (университет в городе Велико Тырново), много школ и *читалищ* в стране названы именами святых братьев.

¹⁵ Этот вывод присутствует в ряде исследований. На болгарском материале см. Алексиев 2002: 21–35 и указанную там литературу.

¹⁶ Эти слова можно услышать практически от каждого болгарина, который был школьником во времена социализма. Они присутствуют как в официальных речах (здесь я цитирую часть приветствия мэра Созополя Панайота Рейзи, прочитанного 24 мая 2010 г. на торжествах в *читалищте* города Созополя. – зап. Екатерина Анастасова, далее – Е. А. Созополь, 24.05.2010 г.; ту же фразу произнесла болгарская туристка в Риме, которая пришла в церковь св. Анастасия и Викентия в Риме 24 мая 2011 г., чтобы «отпраздновать с болгарями самый светлый, самый болгарский праздник» (Н. П., женщина, около 60 лет, из Русе; зап. Е. А. 24.05.2011 г., Рим). То же послание, в контексте «империи духа», присутствовало и в поздравлении проф. Сергея Игнатова, в тот период министра образования, участников церковного праздника. Срв. и:

„Кирилл и Мефодий создали священный язык, болгарский. Это язык, созданный для священных книг. Кирилл и Мефодий болгарские святые, именно поэтому церковная школа в Риме называется „Св. Св. Кирил и Методий”. Ранее она называлась св. Стилян, так как он покровитель младенцев и детей. Три года тому назад мы чествовали 1140 лет от смерти св. Кирилла 14 февраля, а 12 февраля мы получили акт для учреждения школы” – отец Климент (Бобчев), священник Болгарской церковной общины „Св. Св. Кирил и Методий” в Риме. – 22.04.2011 г. Рим. Зап. Е. А.

¹⁷ Ж. М., женщина, около 45 лет, журналист. Зап. Е. А. София, 19.05.2009 г.

¹⁸ М. В., 1941 г. р., Годеч (воспоминания о празднике оттуда). Зап. Е. А. 10.04.2009 г., София.

¹⁹ Н. В., около 45 лет, филолог. Зап. Е. А. София, 03.05.2009 г. Другими словами, даже среди специалистов филологов в академической общности в Болгарии мало таких, которые могли бы, не задумываясь, перечислить миссии Кирилла и Мефодия, имена их учеников и пр.

²⁰ «... 11 мая в селе Марковча заложили (Сърт кьойлери) /17/ основной камень новой школы, которую крестьяне строят. Многие из соседних школ присутствовали, и этот день стал торжественным [не] только для праздника наших просветителей, но и для основания одной общей школы. В тот же день они разговорились и дали друг другу верное слово стоять крепко за свою народность и не принимать уже в села греческих священников. Школа уже почти поднялась и этим летом будет закончена...» – Из репортажа в г. «България», 2, № 71, 27 июля

1860. Василева 1992: 318–319. Газета «България» (Вестник за българските интереси) выходила 1–3 раза в неделю в Константинополе с 28 марта 1859 г. до 25 марта 1863 г.

²¹ Светский и гражданский судья в Османской империи.

²² Из репортажа в газете «България», 2, № 63, 1 июня 1860 г. о празднике св. Кирилла и Мефодия в Копривштице. Василева 1992: 316–317.

²³ Из репортажа (дописка) газеты „Дунавски лебед“, 1, №37, 6 июня 1861 г. Газета „Дунавски лебед“ издается Г. Раковским с 1 сентября 1860 г. до 24 декабря 1861 г. в Белграде. Василева 1992: 320–321.

²⁴ Либерализм османской администрации связан с султанским Хатимауном с 18 февраля 1856 г. Как отмечает Н. Генчев:

«В Хатихумаюне султан обещал своим подданным гарантировать безопасность личности, чести и имущества граждан независимо от их национальности и вероисповедания. Он подтверждал все старые духовные привилегии и имунитеты христианских общин, дарил свободу вероисповеданиям, вводил общую воинскую повинность и доступ всех граждан ко всем гражданским службам, благоприятствовал развитию школ, искусств и ремесел. Хатихумаюн предполагал развитие смешанных судов, обещал справиться со злоупотреблениями при сборе налогов, давал право немусульманам участвовать в местных органах. (...) Имея ввиду развитие Турции и болгарского общества, Хатихумаюн имел, хотя и совсем ограниченные, положительные последствия. Он узаконивал право на духовную и культурную эмансипацию, признавал национальные институты» (Генчев: 2010).

²⁵ О формировании образа „соседей“ в болгарском обществе см.: Аретов 2003.

²⁶ Закон об общественных и частных школах, Государственная газета (Държавен вестник – далее ДВ) - ДВ, №13, 9 февраля 1885 г.

²⁷ Закон о народном просвещении. ДВ, №17, 23 января 1892 г. (См.: Чл. 188. Никакая частная школа не может быть открыта без предварительного разрешения Министерства; Чл. 189. Министерство просвещения надзирает через свои органы все частные школы; Чл. 192. Ни одна частная школа не может получить государственную или общинную помощь. Только мусульманским общинам ежегодно дается государственная помощь для их школ; Чл. 193. Учителя частных школ не получают государственную пенсию и вообще не могут пользоваться ни одним из прав, существующих для учителей в народных школах; Чл. 194. Ученики, закончившие частную школу, не могут пользоваться правами учеников из народных школ, если не сдадут необходимый экзамен; Чл. 195. Болгарский язык изучается в обязательном порядке во всех частных школах).

²⁸ Закон о народном просвещении. ДВ, №49, 5 марта 1909 г.

²⁹ Закон об изменении и дополнении Закона о народном просвещении. ДВ, № 87, 21 июля 1921 г.; Закон об изменении и дополнении Закона о народном просвещении. ДВ, № 79, 10 июля 1924 г.

³⁰ Естественно, ситуация более нюансирована, различные правительства различным образом поддерживают/ограничивают образование меньшинств. См. Национальный доклад, согласно

чл. 25, ал. 1, Рамковой конвенции о защите прав национальных меньшинств. София, январь 2001, Министерский совет Республики Болгарии, Национальный совет по этническим и демографическим вопросам (bsa-bg.org/documents/bosakov_case/nacionalen_doklad.doc), 05.03.2012 г.

³¹ В 1906 г. отмечается пик вражды между болгарами и греками в рамках болгарского государства. В болгарском обществе ожесточаются настроения против живущих в стране греков, которых в это время все еще около 70 000, и их собственностью являются 125 церквей и монастырей, частные больницы и дружества взаимопомощи (Радойнова 2010: 47).

³² Подробнее (и о греческом меньшинстве в Болгарии) см.: Вълчинова 1998: 207 – 220 и указанную там литературу.

³³ Улица Кирилла и Мефодия, народное *читалиште* «Кирилл и Мефодий» и др.

³⁴ Т. Н., женщина, около 70 лет, преподаватель болгарского языка и литературы (пенсионер). Зап. Е. А. 25.05.2011, Созополь.

³⁵ Срв. и: . «Ожесточенные споры и борьба разгораятся за каждый объект, считаемый греческой собственностью, который болгары пытаются отнять у них, опираясь на свои преимущества доминирующего этноса в государстве» (Радойнова 2010: 46).

³⁶ «Греки» в Созополе разграничивают две группы болгар – «мадзурис», беженцы из Гюмюрджины (поселившиеся в освобожденных греками домах в 1912 г., которые живут «среди греков») и «гагаманис», които живут на так наз. Харманах, приехавших после 1920 г.

³⁷ Эллиногласные болгары по Южному Черноморию от Античности до наших дней.

³⁸ История Аполлонии Понтийской – Созополя – от ее создания до наших дней.

³⁹ Мы цитируем Г. Лукова, чья книга очень популярна в Созополе и представляется как доказательство „не-греческого” происхождения „эллинофонов”. На эту тему (в контексте формирования болгарской народности) существуют и более общие исследования (С. Димитров, Б. Димитров и др.), которые Г. Луков цитирует в своей книге.

⁴⁰ Т. Н., гречанка, около 70 лет, преподаватель болгарского языка и литературы, переводчик современной греческой литературы, (пенсионер). Зап. Е. А. 25. 05. 2011 г., Созополь; После открытия „мошей Иоанна Крестителя” на острове св. Иван около Созополя в 2010 г., церковь восстановлена, и реликварий выставлен в ней. В воскресные дни, в период активного туристического сезона, иногда проводятся богослужения.

⁴¹ Х. Х., грек, около 60 лет, пенсионер. Зап. Е. А. 26. 05. 2011 г., Созополь.

⁴² А. В., болгарка, около 50 лет, работает в райсовете Созополя. Зап. Е. А. 26. 05. 2011 г., Созополь.

⁴³ Этот механизм конструирования национальной консолидации не уникален – в Сербии подобную роль играют „места Св. Саввы”, которые заменяют места Кирилла и Мефодия в так наз. западных окраинах (Западни покрайнини). См. подробнее, напр.: Христов 2004: 47 и указ. литература.

⁴⁴ <http://www.vesti.bg/index.phtml?tid=40&oid=708491>, 11.03.2012. Очень интересные наблюдения о сочетании гимна и манифестации (синхрон между текстом, мелодией, ритмом и движением) в празднике Кирилла и Мефодия см.: Григоров 2009.

Литература

- Алексиев 2002 – *Алексиев Божидар*. Гонени светци, нежелани чудеса. – Български фолклор, № 2. С. 21 – 35.
- Априлов 1841а – „Българские книжники” или какому славянскому племени собственно принадлежит Кирилловская азбука? Сочинение Василия Априлова. Одесса: Городская типография.
- Априлов 1841б – Денница ново-българского образования. Сочинение Василия Априлова, изданное им на своемъ иждивеніи въ пользу Габровскаго училища. Часть первая. Одесса: Городская типография.
- Априлов 1842 – *Априлов Васил*. Дополнение к книге: „Денница ново-българского образования”. Письмо автора к г. и. д. профессора в Одесском лицее М. А. Соловьеву. Санкт Петербург: Типография Штаба Высшего Учебного заведения.
- Арнаулов 1929 – Арнаулов Михаил. Библиотека „Български писатели”. Т. 1. София: Факел. (<http://liternet.bg/publish9/marnaudov/bpisateli/1/vaprilov.htm>) Библиотека "Български писатели". Т. 1. Под ред. на Н. Аретов. Варна: LiterNet, 2003).
- Аретов 2003 – *Аретов Николай* (сост.). Балканските идентичности в българската култура. Т. 4. София: Кралица Маб.
- Василева 1992 – *Василева Маргарита* (сост.). Извори за българската етнография. Т.1. София: Етнографски институт с музей, БАН.
- Вълчинова 1998 – *Вълчинова Галина*. Гърци. – В: Кръстева, Анна (сост.). Общности и идентичности в България. София: Петекстон. С. 207 – 220.
- Генчев 2010 (1978) – *Генчев Николай*. Българско възраждане. София: Изток – Запад.
- Григоров 2009 – *Григоров Григор* Хар. Гимн Кириллу и Мефодию. - III Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. Севастополь. С. 16 – 22. 09. 2009 г., 5 с. (доклад).
- Жития 1974 – Епископ Партевий и архимандрит Атанасий Бончев (Сост.). Жития на светиите. София: Синадално издателство.
- Иванов 1914 – *Иванов Йордан*. История славенобългарская, собрана и нареджана Паисием Йеромонахом... Стъмки за печат по първообраз Йордан Иванов. София: БАН.
- Луков 2006 – *Луков Георги*. Единогласните българи по Южното Черноморие. Бургас: Издателска къща „Матаник – М”.
- Нова епоха 1906 – вестник „Нова епоха”, 29 юли, „Гръцката църква Св. Никола обърната на българска „Св. Св. Кирил и Методий”.
- Папайоанидис 2004 (1933) – *Папайоанидис Константинос*. История на Аполония Понтийска – Созопол (от създаването ѝ до днес). София: Фабер.
- Толстой 1988 – *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. Москва: Наука.
- Христов 2004 – *Христов Петко*. Общности и празници. Служби, слави, събори и курбани в южнославянското село през първата половина на XX век. София: ЕИМ.

Чилингировъ 1930 – *Чилингировъ Стилиянъ*. Български читалища преди Освобождението: приносъ къмъ историята на българското възраждане. София: Министерство на народното просвещение.

Assmann 1997 – *Assmann Jan*. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: Beck.

Gellner 1983 – *Gellner Ernest*. Nations and Nationalism. Oxford: Basil Blackwell.

Nora 2011 – *Nora Pierre*. Présent, nation, mémoire. Paris: Gallimard.

Rohdewald 2008 – *Rohdewald Stefan*. Figures of (Trans-) National Religious Memory of the Orthodox Southern Slavs before 1945: An Outline on the Examples of Ss. Cyril and Methodius - TRAMES, 2008, 12 (62/57), 3, S. 287–298.

Šubjaková 2007 – *Šubjaková Elena*. Devín grad (dedičstvo našich otcov). Bratislava: Združenie Živa Voda Turzovky (ŽVT).

Šubjaková 2010 – *Šubjaková Elena*. Hlaholika (posvätné dedičstvo Slovákov). Bratislava: OZ ŽVT.